

Евгений КЛЮЕВ

Ангел с Трубной площади

Драма в двух действиях

Окончание. Начало см. № 44, 2004 и № 1, 2005

АЛЛА. Ты что, Гвоздь?
ГВОЗДЬ (мрачно). А ничего.
ОЛЕГ. Я... не понимаю, в чем дело? Гвоздь?
ФЕДЯ. Не надо предупреждать, зачем это?
АЛЛА. Хочешь испортить все?
ГВОЗДЬ. Хочу.
ОЛЕГ (раздельно). Гвоздь, а Гвоздь? А больше ты ничего не хочешь?
ИННА. Ребята, он просто пошутил... неудачно.

ГВОЗДЬ. Я не пошутил. Я предупрежу Нину.

ОЛЕГ (встает и подходит к Гвоздю). Ты имеешь что-нибудь против Нины? Или как? Может, Верочка твоя что-нибудь против нее имеет из-за бигудей?.. Федя, поезжай на вокзал, мы тут сами разберемся. (Федя поднимается).

ГВОЗДЬ. Сядь, Федя. Или буду драться.

АЛЛА. Да вы что — очумели, что ли?

ИННА. (подходит к Олегу). Олег,

отойди, ты... ты горячишься. И ты тоже, Гвоздь. Еще только подраться не хватало. Пожалуйста, Олег. Ну, сядь! (Олег нехотя садится). А ты, Гвоздь, объясни нам всем, по-человечески, что тебе Нина сделала? Нам просто интересно. Зачем тебе нужно, чтобы она там мучилась? Ну же, Гвоздь?

ОЛЕГ (после паузы). Перед Ниной он выставиться хочет: вы, мол, тут все... а я — честный. Морду ему набить надо.

АЛЛА. Зачем же морду... Лучше мы его в общаге запрем. Сами на площадь пойдем, а его запрем. Можем даже с Верочкой вместе. А хочешь — и с Ольгой еще. Будете втроем нам кости перемывать. А потом решим, что с вами делать.

ОЛЕГ. Переженить их всех троих друг на друге. Будет одна большая семья. Я, Гвоздь, тебя вообще-то человеком считал. И все это неожиданно очень: все был друг, друг, а потом — бах! Ну, ничего: пересидите всей честной компанией. Я, так и быть, свою комнату уступлю. Мы с Володькой у Феде переночуем. Пустишь, Федь?

ФЕДЯ. А чего ж?

ГВОЗДЬ (равнодушно). Запирайте. Но, во-первых, я буду драться. А во-вторых, когда вы меня выпустите, я найду Нину и расскажу ей про все ваши дела. И она опять на площадь пойдет стоять.

ОЛЕГ (вскакивая). Гвоздь, да ты что, заболел, что ли, в конце-то концов? Пойдем-ка... поговорим...

ГВОЗДЬ (вяло). Пойдем. (Встает).

ИННА. Погоди, Олег, не ершись! Тут что-то... не то что-то тут. Ты, Гвоздь, скажи — мы пойдем. А, Гвоздь?

ГВОЗДЬ. Не поймете вы ничего. Трепачи вы все (Феде). И ты в том числе, с флейтой своей. (Хмыкает). Мечтатель!

ФЕДЯ. Ты чего, Гвоздь?

ГВОЗДЬ. Ничего.

ОЛЕГ. Я считаю до трех...

ИННА. Не надо этого — считать. (Подходит очень близко к Гвоздю). Ты скажи все-таки, почему мы трепачи, интересно же... Ты вот нас всех сидел слушал, молчал все время, а потом взял да обругал трепачами. Такие вещи объяснять надо. Так что, Гвоздь, тебе придется объяснить...

ГВОЗДЬ. Ну, и добавь еще: иначе быть будем. Давайте-давайте: навалитесь все — и бейте. Олег — гитарой, Федя — флейтой: по башке, по башке! (Инне). У тебя волосы белые. И глаза голубые. И говоришь ты хорошо: про деревню, про детишек... про то, что мы в Феде флейту проглядели. Замечательно ты все это говоришь! Вроде бы, понимаешь больше других. И даже понимаешь, зачем Нина на площади стоит. Помочь хочешь ей, добрая... А Нина ждет, когда что-нибудь само произойдет, без подачек от внимательных друзей и подруг! Это же так просто понять! Ты вот, Федя, флейту все-таки хотел, деньги копил. А пошел бы ты просто в "Детский мир" и купил бы там себе свистульку с дыркой — не все ли тебе равно, во что дудеть! Так нет же, тебе настоящую флейту подавай! А Нине, значит, и "Чижика" можно подсушить! Ночью, втихаря. Все равно ведь никогда не узнает. И психологию с тридцать второй грушой сдас — и будет все распрекрасно: и волки сыты, и овцы целы, небольшой такой балаганчик устроим: всу-

чим человеку "Чижика"! Ничего, что она прищельцев ждет, неважно это... Теперь давайте драться.

ИННА. Не надо драться. И не надо на флейте играть. Потому что Гвоздь прав.

Пауза. Олег пощипывает струну.

Сцена вторая

Ольга собирает чемодан. Входит Нина. Она растеряна и измучена.

НИНА (равнодушно). Привет, Ольга. (Садится на кровать).

ОЛЬГА. Привет. Вернулась.
НИНА. Я полежу. (Ложится на кровать и отворачивается к стене).

Пауза.

ОЛЬГА. Я только спрошу: то, для чего ты стояла...

НИНА (перебивая). Это только меня касается. Я сама.

Долгая пауза.

ОЛЬГА. От маникюрного набора футляр один остался. Хотя... вот ножницы. Ты пилку не видела?

НИНА (все еще не поворачиваясь). Нет.

ОЛЬГА (ходит по комнате). Где же пилка? Была ведь. И нигде нет. Очень странно. Утром, вроде, видела. М-да... Никто на место ничего не кладет.

НИНА. Я не брала.

ОЛЬГА. Я не говорю, что обязательно ты (ищет пилку). Но кто-то ведь брал. И бросили ее где-нибудь.

НИНА. Ольга, я не брала. Меня три дня не было.

ОЛЬГА. Да знаю я, что тебя не было. Куда ж пилка-то могла деться? (Подходит к тумбочке Нины).

НИНА (не оборачиваясь). Пожалуйста, не трогай моих вещей.

ОЛЬГА (возмущенно). Я пилку ищу! От целого набора маникюрного футляр один остался. И маленькие ножницы. (Перебирает вещи на тумбочке). Может, в книжку нечаянно заложили?

НИНА (садится на кровати). Я просила, Ольга! Не надо трогать мои вещи. Меня тут три дня не было!

ОЛЬГА. Но жизнь ведь продолжалась, пока тебя не было! Мир не перевернулся от того, что тебя не было. Мог кто-нибудь и на твоей тумбочке пилку бросить.

НИНА (резко). А без пилки ты никак уехать не можешь?

ОЛЬГА (растерявшись). Но была же пилка, валяется где-то!

НИНА (отворачивается к стене). Я вышлю почтой, если найдется!

Ольга начинает снимать белье с постели, оглядывая комнату. Замечает пилку под кроватью Нины.

ОЛЬГА. Вот же она! Под твоей кроватью. (Достает пилку).

НИНА (опять садясь на постели, раздельно). Украсть я ее хотела, понимаешь? Нарочно под кроватью спрятала, думала, что не найдешь. И остальное все от маникюрного набора твоего — тоже по ящикам своим рассовала.

ОЛЬГА. Почему ты так со мной разговариваешь? Я не виновата, что ты три дня на площади стояла — я тебя не посылала туда! Наоборот, даже удерживала, если помнишь, конечно!

НИНА (падая на кровать в изнеможении). Господи, дадась же вам всем площадь эта! Все, Ольга, все! Ты нашла свою пилку, теперь давай же помолчим, наконец!

ОЛЬГА. Подумаешь! (Начинает напевать, довольно громко).

Нина долго лежит молча. Ольга поет.

НИНА (тихо). Ольга... можно попросить? Не пой, пожалуйста.

ОЛЬГА (взрываясь). Может, и не дышать еще? (Продолжает петь).

НИНА (после молчания). Я попросила тебя. Некоторое время можешь ты — не петь? Долго уже поешь.

ОЛЬГА (закрывая чемодан). Потерпи, скоро уеду.

НИНА (с отчаяньем). Скорей бы!

ОЛЬГА (вызывающе). Когда нужно будет, тогда и уеду! (Садится на кровать, безразлично смотрит по сторонам, напевает).

НИНА (после паузы). Ольга, это издевательство. Прекрати петь. Ты же нарочно, нарочно! (Сжимает виски).

ОЛЬГА (громко). Знаешь что! Ты в общепитии находишься. Надо с людьми считаться! Ишь, разошлась: пилку не ищи, не пой, не дыши! Думаешь, я не понимаю, чего ты злая такая?

НИНА (обхватив голову руками). Ольга, Ольга, Ольга! Мы поссорились уже, довольно! Уезжай домой, ради Бога, вещи свои ты собрала, ну, и — до свидания!

ОЛЬГА (улыбаясь). Слушаюсь и повиновусь! Только у меня еще пять минут осталось — и я их проведу так, как хочу. Хочу — пою, хочу — пляшу. А ты свои настроения для Аллочки с Инночкой побереги. Меня не волнует, устала ты или нет. Думаешь, если на площади три дня простояла, так теперь и людьми помывать можешь?

НИНА. Ольга, уйди!

ОЛЬГА. Хватит меня гнать! Раскомандовалась! Не дождалась ничего — вот и срывается!

НИНА. Тебе очень хочется поговорить

Заканчивая сцену —

на эту тему? Тогда – давай! Подробно давай, обстоятельно. (Медленно). Я ничего не дождалась. Никто не затрубил, никто не пришел. Я просто измучилась – и ушла. Сдалась и предала себя. Все. Довольна ты? Теперь пой свои веселые песни и радуйся, что у меня все так плохо.

ОЛЬГА. У меня, между прочим, других причин много, чтобы радоваться. Не тобой одной живу: еще кое-что в жизни есть. И на площадь не пойду, потому что не люблю себя показывать.

НИНА. Все, не могу больше. (Спокойно Ольга). Пошла вон, дура.

ОЛЬГА. Сама пошла вон! Ишь, ты! Разберемся еще с тобой, придет время. И спросят кое-где (улыбается).

НИНА (медленно встает с постели, осматривается вокруг, видит утюг, берет его в руку). Сейчас я тебя убью. Я убью тебя вот этим утюгом, если ты немедленно не уберешься отсюда (отводит руку, глядит на Ольгу холодными глазами). Ну!..

ОЛЬГА (хватая чемодан, пятак к двери). Ну, знаешь ли... Психованная... Шиза! (Выскальзывает и хлопает дверью).

НИНА (одна). Вот и чудесно. Чу-дес-но. (Смотрит на утюг, вздрагивает, бросает его на пол. Грохот. Нина хватается ладонями за виски). Господи! До чего же я дошла, Господи! Ведь я... я могла бы, наверное, утюгом ее... (Медленно ложится на кровать, натягивает одеяло, дрожит). Что же это я? Не могу, не могу больше! Все, не могу! (Плачет).

Голоса за дверью: "Свобода, ребята!", "Жиличка съехала!",

"Гип-гип, ура!" Входят Олег с гитарой, Инна, Гвоздь, Федя.

Замечают рыдающую на постели Нину.

ИННА (бросаясь к ней). Нина! Ниночка, да ты дрожишь вся, Нина! Нина, ну, остановись, милая, что ты! Что случилось-то? Нина! Да Нина же!

Общее замешательство.

ИННА. Воды дай, Гвоздь! (Гвоздь наливает воду из чайника, Инна подносит воду Нине. Та пьет из стакана, стуча зубами).

ОЛЕГ. Что? (После минутного раздумья). Ольга? Я ее сейчас! (Бросается к двери).

НИНА. Олег! Гвоздь, останови его, Гвоздь! (Гвоздь бежит за Олегом, втаскивает его в комнату).

ИННА. Посади его на кровать. (Олегу). Сиди, ненормальный! (Отводит волосы со лба Нины). Тихо, тихо, родная моя! Все. Все уже. Успокоилась. Вот и хорошо. Черт с ней, с дурией этой!

НИНА. Это не она. Это я... Я одна. Я, кажется... убить хотела. Ее... Утюгом. (Зябко поводит плечами, кивком показывает на утюг). Вот он, утюг. Инна! Инна, я могла бы... человека убить? (Прячет руки за спину).

ОЛЕГ. Я бы ей сам гитарой черепок разможжил! Что она тебе сделала?

НИНА. Ничего, Олег. Ничего не сделала. Она... Она пилку искала.

ОЛЕГ. Какую пилку?

НИНА. Для ногтей пилку. Ногти подпиливать. И говорила мне, что я... Нет, но главное – это что пилку искала! Я не могла, я не выдержала! Она как-то... она как бы издевалась надо мной, это все издевательство было! (Пауза). Вспомнила. Да, еще она пела! Какую-то песню, какую-то эстрадную песню одну. Я не могла, я... Это было ужасно, ужасно... (Плачет).

ИННА. И все! И хватит, забыть надо – про пилку забыть, про все. Забыла – ну-ка! Лучше скажи: ты давно здесь, а? Ребята, да садитесь же вы!

Все садятся кто куда.

НИНА. Нет, я недавно... я полчаса назад. (Пауза). Инна, я человека убить могла бы? Инна! Мне страшно.

ИННА. Да не могла бы ты убить никого, не могла бы, успокойся! Это трудно очень – убить. Ты бы не могла. И – конечно! Про площадь расскажи лучше.

НИНА (перебивая). Нет, Инна, нет!

ИННА (с испугом). Что – нет?

ГВОЗДЬ. Оставьте в покое человека. Не хочет говорить – пусть не говорит. (Пауза). Олег! Олег, ты спеть можешь что-нибудь?

ОЛЕГ. Сейчас прямо? Не могу.

ГВОЗДЬ (очень строго). Можешь. Пой. **ОЛЕГ** (поет).

Радость грусти, жизни смерть – с нами все это случится.

Нужно только научиться хоть немножко петь.

Собеседник глуп, как пень. Взгляд его пустой и чистый. – Значит, надо научиться хоть немножко петь!

Хоть немножко петь – щеглом, канареечкой ледящей! – И тогда нас ждет удача за ближайшим за углом!

А всего-то полторы, полторы веселых ноты надо в жизни знать – всего-то! Знайте, будьте так добры.

Что ж с того, что жизнь пройдет, если птицею заморской нас слетит послушать Моцарт со своих высот?!

Долгая пауза.

НИНА. Моцарт слетит послушать... Хорошо. Это новая? Я раньше не слышала.

ОЛЕГ. Никто не слышал. Это я – пока тебя не было. Мы все... (осекается).

ИННА (помогая ему) ... мы все ни о чем не могли разговаривать даже, кроме того, что ты там стоишь. Ты там стояла – и от туда на нас всех здесь – влияла. Даже тетя Клава с вахты – "Где ваша героиня?" – спрашивает.

НИНА (горько). Откуда так много народу знает?

ИННА (быстро). Это Ольга... (Спохватывается). Хотя... и мы тоже – немножко.

НИНА (с тоской). Зачем? Не героиня я никакая. Я не хотела, чтобы так. Я не думала, что так. Я же просила вас!

ОЛЕГ. Просто так как-то получилось... ты прости.

НИНА (вдруг безучастно). Все равно. Мне только не нравится... Да ладно! (Через долгую паузу). Наверное, я на вашем месте и сама бы ходила смотреть. И рассказывала бы всем. (Горько усмехаясь). Все-таки – событие. Спектакль. Театр одного актера. Не надо было всего этого. Глупо.

ИННА. Что ты, Нин? Что ты!

НИНА. Да, да! Это я там поняла, что не надо было, что глупо. И еще... еще я поняла, что я ждала... что я когда вы придете – ждала! Потому что – ну, в общем, стоять было просто даже как-то... стыдно. Неловко как-то. Словно что-то неприличное делала я там. Меня смущало, что на меня смотрят. Понимаете, если бы я... Ну, не знаю: мне кажется, раз уж вышла, так не должно тогда быть никакого стыда. Уверенность должна быть, вот! А не было. И так хотелось, чтобы кто-нибудь пришел –

НИНА (радостно). Не сдал, Федя? Поздравляю, от всего сердца поздравляю, Федя! У тебя одного есть шанс выжить! С флейтой.

ИННА. Ты знала про флейту?

НИНА. Угу. А вы – нет? (Усмехается). Я, может быть, немножко из-за флейты этой и на площадь пошла. Стыдно стало перед флейтой – жить. Жить просто стыдно стало. Вот.

Пауза.

ИННА. Ты... Нина, ты так и ушла? Да? Не было ничего?

НИНА (после долгого молчания). Кое-что было. По заслугам моим. (Пауза. Решительно). Скажите вам? Я не хотела никому... никому не хотела говорить, но вам могу сказать. Вам надо это. Я скажу. Потому что – ужасно... Я с этим пришла сюда, с горем пришла, здесь Ольга... пилку ищет, поет! Я ее чуть не убила... (Трет виски). Понимаете, там, на площади – ну, в общем... не знаю! Там на площади грузовик на моих глазах задавил собаку. Хорошую желтую собаку. В двух шагах от меня просто... Я не могла, я ушла. Я пешком шла сюда – и пришла. Я плакала, когда шла, – всю дорогу, без конца.

ГВОЗДЬ (после паузы). Правда, ужасно.

НИНА (не замечая никого вокруг). У меня умер ребенок. Он родился слабым – и умер. Я думала... я шла и думала: за что? За что мне – это все? Значит, есть за что – иначе не так было бы! А?

Все молчат.

НИНА. Я хотела стоять до победного. Пока что-нибудь не произойдет. Потому что не могло это все продолжаться, как было! Я стояла, сколько могла. И это произошло.

Долгая пауза.

ИННА. Жизнь очень жестокая.

ФЕДЯ. Жестокая.

ГВОЗДЬ. Надо просто так: не ходить на площадь. Надо положить свое сердце в камеру хранения на Ленинградском вокзале, как Федя флейту... И там держать. И никому – ни-ни!

ОЛЕГ. Вот еще! Нине просто не повезло. Нина, слышишь, не повезло тебе – и все! Каждому может не повезти.

НИНА. Может-то может...

Распахивается дверь. В комнату вбегает Алла. Она очень возбуждена. Падает на кровать. Закрывает глаза.

АЛЛА (радостно бормочет). Ребята, ребята, ребята... Ребята-а-а-а!

ОЛЕГ. Алла, Нина пришла!

АЛЛА. Нина? Привет, Нин! Я знаю, что ты пришла, я была на площади. (Торжествующе). Я была на площади!... (Торопливо). Я хотела... я решила... сегодня решила, утром, я решила пойти туда и уговорить ее – уйти! Я хотела сказать: "Нина, милая, дай я постою за тебя! Важно ведь не пропустить, когда что-нибудь произойдет, а кто стоять будет – неважно! Я постою, а ты пока пойдешь психологию сдать!" – И побежала на площадь! Прибежала – а там никого! И я поняла, что Нина ушла, не дождавшись. И я испугалась, что уже что-нибудь произошло без нее. И я встала на ее место. И решила стоять – всю жизнь, пока не умру. И стояла! Но через каких-нибудь двадцать минут... Ребята, мы дождались! Через двадцать минут из магазина – там магазин какой-то, забыла – вышел мальчик, ребенок, ему года четыре или пять! Он с мамой был. В белом таком костюмчике – как ангел маленький. И в руках у него, знаете, что было? Дудочка была в руках, красненькая! Детская! И он встал на тротуаре – и затрубил! Ду-ду-ду, ду-ду-ду, ду-у-у-у-у-у! Он вот так трубил, а я плакала. И я тогда поняла, как все прекрасно: что в нас, что вокруг нас и вообще! (Оглядываясь всех). А вы? А? Улыбайтесь! (Растерянно). Улыбайтесь же!

НИНА (сквозь слезы). Мы улыбаемся, Аллочка, мы улыбаемся.

ИННА (чуть не плача). Мы улыбаемся.

Занавес.

• Рисунки Ирины УВАРОВОЙ